УДК 316.75

ВЕТРОВ С.А.

Социально-культурный аспект функций идеологии

Идеология в полном объеме выражает родовое начало социума, когда разработанные универсалии способствуют мобилизации, а не манипуляции; когда интеграция стимулирует деятельность по созданию коммуникации и нейтрализует стремление к унификации; когда потенциал идентификации укрепляется за счет осознания сторонниками идеологии своей миссии и снижения значения простого тиражирования идеологем.

Ключевые слова: универсализация, интеграция, идентификация, мобилизация, коммуникация, манипуляция, унификация.

Становление любой идеологической доктрины, как правило, происходит в период социального кризиса. По сути, идеология должна найти не просто новый способ организации общества и мобилизации для этого максимально большого числа сторонников, но и лучше, чем конкурирующие теории и концепции, выразить духовную доминанту времени, *родовую сущность социума*. Это означает актуализацию присущих конкретному обществу взглядов на власть, социальное устройство и экономическую жизнь в новом политическом контексте, а также реализацию потенциальных возможностей модернизации традиционных устоев. Ведь даже революционные идеологии, провозглашающие в качестве главной цели разрушение существующего социального порядка, в конце концов теряют свой «футуристический» пыл. Революции непременно заканчиваются реставрацией, хотя чаще всего не политического режима, а традиционного принципа социальной организации жизни общества, реализуемого в деятельности институтов и в фундаментальных ценностях.

Для реализации собственного творческого потенциала идеология должна непрерывно и максимально долго сохранять способность выражать духовную доминанту социума, что находит воплощение в базовых для любой идеологии функциях: универсализации, интеграции, идентификации.

Проанализируем каждую из обозначенных функций.

Функция универсализации предполагает наиболее полное выражение родового начала социума посредством создания идеологами необходимых словесных формулировок, имеющих всеобъемлющий характер и необходимых для извлечения из сферы коллективного бессознательного (архетипов) нужного социального смысла и обретения достаточного мобилизационного ресурса. Функция универсализации предполагает разработку универсальных принципов и идеологических положений. Она выражает стремление индивидов посредством предложенных универсалий объяснять окружающий их мир, делать проблемы ясными и понятными.

Поскольку общественные отношения представляют собой противоречивое единство, любая целостная доктрина предлагает универсальные категории, устойчивые формулировки и понятия для объяснения всего комплекса социальных

процессов. Разрабатывая универсалии, идеологи используют научные разработки, философский категориальный аппарат. Происходит своеобразный отбор концепций и теорий. Одни рассматриваются в качестве интеллектуальной основы доктрины, другие подвергаются критике или сознательно игнорируются.

Идеолог вынужден обращаться к общественным наукам, исходя из необходимости подвести под собственную доктрину «подлинно научное видение мира» и подвергнуть критике противника за идеологизацию в оценке социально-политических процессов. Проведя своеобразную «инвентаризацию» научной и философской мысли, он создает фундамент для разработки идеологических универсалий (идеологем), которые, будучи до этого «научно обоснованны», начинают самостоятельную, собственно идеологическую жизнь. Пропагандисты не просто не подвергают их критическому анализу, не только выстраивают всю логическую цепочку от мировоззренческих положений до конкретных рекомендаций, но и сами идеологемы превращают в своеобразные заповеди, на основе которых предлагают строить всю политическую деятельность. К таким идеологемам могут быть отнесены классовая борьба (коммунизм), свобода предпринимательства (либерализм), приоритет арийской расы (нацизм) и т.д. и т.п. Создание идеологии не завершается простым построением логической цепочки аргументов в пользу проводимой политики на базе заданной системы универсалий. Следом разворачивается работа, связанная с их толкованием. Это происходит потому, что одни и те же идеологемы используются в разных обществах и в разные исторические периоды. Идеологемы адаптируются в обновленной политической среде и приобретают специфическое звучание.

Затем производится своеобразная шлифовка идеологем. Обычно это происходит в рамках одной идеологической концепции. Например, в социалистическом течении допускались возможность социалистической революции в одной стране (ленинизм) и идея перманентной революции (троцкизм); вероятность социальных преобразований в интересах большинства только в результате социалистической революции и создания государства диктатуры пролетариата (большевизм) или в процессе экономического и политического реформирования (социал-демократизм). Наконец, борьба идеологем получает свое продолжение в политической практике через деятельность партий, заинтересованных групп, движений, политической элиты.

Каждая идеологема раскрывается в соответствующих формах языка, выполняющих мобилизационную функцию. Это язык символов: красный флаг, свастика, звезда Давида; язык лозунгов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «свобода, равенство, братство»; язык ритуалов: день независимости, день революции, день победы.

Говоря о функции универсализации, нельзя не сказать о том, что универсалии обретают свое созидательное значение лишь в государственной или ориентированной на государственное строительство идеологии, когда они должны не только опровергать конкурентов, но и обеспечивать целостность политической системы. Интерпретируя историю, анализируя действительность, идеологи определяют место, предназначение и способы деятельности группы или всего государства в политическом процессе.

Необходимо помнить, что универсалии интерпретируются в зависимости от культурных особенностей общества и конкретной ситуации в обществе. Так, например, главный принцип проводимой Дэн Сяопином политики вполне можно свести к утверждению: «Я прежде всего китаец, а потом коммунист». Это было вызвано не только социальной, но и национально– освободительной природой китайской революции.

Функция универсализации раскрывается посредством мобилизации или манипуляции. Идеология собирает сторонников, предлагает им определенный стереотип поведения, ориентирует на достижение поставленной цели, прививает последователям способность ориентироваться в обстановке, готовность следовать рекомендациям политических центров, предлагает соответствующую шкалу ценностей. Подобные действия идеологов следует квалифицировать как мобилизацию.

Мобилизация – это комплекс мероприятий, обеспечивающих готовность политических

субъектов к конкретным действиям. Мобилизация предполагает разъяснение содержания планируемых действий, определение конкретных сроков их проведения, психологическую подготовку сторонников и организацию системы информации между ними, своевременное получение сведений о планах и предполагаемых действиях противников и нейтрализацию их деятельности. Мобилизационный ресурс любой идеологии строится на вере последователей в истинность универсальных принципов доктрины.

Особое значение приобретает вера в идеалы. Ее роль возрастает, если существует мощный раздражитель, например такой, как реваншистские настроения или стремление к национальному освобождению. В этом случае большое число сторонников готово жертвовать собой ради идеалов. Высокая степень веры достигается благодаря соответствию идеологии национальным архетипам. Например, большевистская идеология трансформировалась после 1917 года из абстрактно-революционной с ее аргументами о пользе мировой революции в идеологию государственного строительства, которая обосновывала необходимость построения и защиты первого в мире социалистического государства. Это положение основывалось на идее, согласно которой Россия выступила в качестве хранительницы истинной веры, окруженной врагами со всех сторон. Идея социалистической Родины сплелась с известной концепцией «Москва – третий Рим».

Поскольку идеология опирается на конкретную социальную общность, она помогает своим реальным и потенциальным сторонникам осознать собственные «коренные» интересы, что необходимо для активных действий в нужном направлении. Идеологи борются между собой за право трактовать «коренной» интерес главного субъекта в зависимости от политического момента. Кто в решении этого вопроса будет доминировать, тот и сумеет получить большие мобилизационные ресурсы.

Мобилизация предполагает сознательные действия сторонников и объяснение ими собственных проблем через идеологические постулаты. Политический субъект своей ясной позицией, активной деятельностью делает идеологические схемы живым руководством к действию. Индивид, группы, интерпретируя идеологемы, участвуют в социальном творчестве. Мобилизовать идеологически можно только тех, кто склонен к определенному образу мыслей и пытается выработать конкретный вариант поведения. Поэтому идеологическая работа, особенно на начальном этапе, сводится к поиску активных последователей, которые желают услышать ответы на свои вопросы. Именно они адаптируют идеологемы к реальности и расширяют сферу влияния идеологии. Следовательно, когда не останется тех, кто будет стремиться воспринимать, трактовать, интерпретировать, т.е. творить идеологию, она превратится в сумму догм, утративших живое значение и не привлекающих никого. Идеология, исчерпывающая мобилизационный ресурс, умирает.

Противоположное мобилизации значение выполняет функция *манипуляции*. В последние годы в литературе при рассмотрении проблем, связанных с идеологией, повышенное внимание уделялось ее манипулятивным возможностям. Идеология вообще стала отождествляться с манипуляцией. Однако значение этой безусловно важной функции было чрезвычайно преувеличено. Более того, вал публикаций, обличающих негативные стороны тоталитарных идеологий, по сути, выполнял ту же функцию манипуляции, только со стороны идеологии-конкурента, которая, образно говоря, «ворвалась в лагерь противника на плечах отступающих».

Манипуляция предполагает производство специфической информации, ее передачу и распространение. При этом стороннику отказывается в способности самостоятельной интерпретации политического процесса посредством идеологических универсалий. Манипуляции использовались всегда. Так, в протоидеологический период, когда доминировала культура слова, проповедь священника, откровения блаженного или слухи успешно заменяли средства массовой информации. Протоидеологические манипуляции не были технически подкреплены, но от этого их эффективность не снижалась. Развитие индустрии, урбанизация, появление СМИ придали новый импульс идеологической манипуляции. Стали активно тиражироваться видеообразы,

создаваться стандарты и штампы. Особое значение обрели технологии внушения.

Политтехнологи не изобрели ничего нового. Они, как и идеологи прошлых времен, использовали страхи человека. Человека доиндустриального общества пугала утрата традиционного порядка. Человека «массы» индустриального и постиндустриального общества пугает несколько иное. К страхам за собственную жизнь и здоровье добавились страхи прослыть неудачником, не так выглядеть, не соответствовать заданным стандартам потребления. Человек «массы» вынужден постоянно идентифицировать себя с образом, создаваемым рекламой. Это становится возможным, поскольку утверждается и приобретает доминирующее значение «индустрия культуры»[1].

Приемов манипуляции много. О них в последнее время много и хорошо пишут. Однако не они являются предметом данной статьи. Необходимо лишь помнить, что манипулировать можно, когда страхи, комплексы, желания манипулируемого выделены, изучены, когда они в виде психического или интеллектуального образования оказываются «в руках» политтехнолога. Искренность, готовность к самопожертвованию совершенно игнорируются теми, кто предпочитает манипуляцию мобилизации. Идеологи-манипуляторы уделяют большее внимание технологиям внушения, которые формируют индивидов, готовых воспринимать идеологические штампы и представляющих собой среду для манипуляции. А если идеологи перестают нуждаться в сознательной активности сторонников и берут на себя функцию координаторов, обладателей истины, действующих по принципу «не надо как лучше, надо как положено», то идеологические универсалии перестают вдохновлять на искренние действия.

Второй базовой функцией является *интеграция.* Идеологи разрабатывают политические доктрины, исходя из возможного стремления различных частей группы или общества к объединению, к созданию целостной социальной системы. Интеграция достигается разными способами. Для этого находится объединяющее основание (религия, классовый интерес, национальное самосознание), играющее роль субстрата единения. При этом субъекты, стремящие к интеграции, добровольно отказываются от части суверенных прав ради желанного единства. Когда утрачивается эта готовность, интеграция начинает деформироваться. Поскольку интеграция предполагает добровольный отказ индивида или группы от части своих прав ради идеала единства, то в работе идеологических центров на первый план выходят технологии убеждения. Субъекты, готовые к интеграции, должны испытывать ощущение своего равноправия или разделять иллюзию, согласно которой они чувствуют себя таковыми.

Кстати будет сказать, что чаще всего следует говорить лишь об иллюзии равноправия, так как всегда есть доминирующий субъект, берущий на себя роль главного творца идеологии. Причем если доминирование благодаря его силе сменится гегемонией, то это неизбежно приведет к усилению индивидуального или группового эгоизма и к разрушению интеграции. Следовательно, необходимо постоянное поддержание привлекательности идеологии.

Множество социальных субъектов объединяют свои усилия благодаря наличию признанного всеми идеала. Их воля направлена на его достижение. В случае отсутствия воли к действию идеал теряет способность быть самим собой, так как перестает концентрировать усилия, направленные на его достижение, связывать разрозненные желания сторонников, образовывать целое. Только стремление субъектов к целому, дающему им возможность приобщиться к чему-то большому, передовому, благополучному, обеспечивает интеграцию. Это стремление рождено сознанием собственной незавершенности и страстным желанием достичь состояния совершенства. С другой стороны, желание субъекта быть причастным к чему-то великому и тем самым стать частью целого свидетельствует о его слабости. Тот, кто признает идеал, может оказаться во власти его творца и хранителя, этого своеобразного обладателя истины.

Современный человек в качестве обладателя истины воспринимает того, кто более успешен. Стремление подражать преуспевающему ставит человека в положение постоянно догоняющего. А, как известно, Ахилл никогда не догонит черепаху. Признанный обладатель истины имеет ресурс времени, хотя для него и сохраняется опасность

потери лидерства. Она заключается в утрате его способности убедительно трактовать идеал, т. е. в утрате привлекательности самого идеала и желания у сторонников следовать предложенным нормам и ценностям. Итак, это возможно, если главный хранитель идеала перестает быть убедительным, если появляется другой, более успешный толкователь или творец нового идеала.

Социальный идеал всегда предполагает определенный высший порядок (античный космос, «град небесный», правовое государство) и строится, исходя или из божественного предначертания, или из научно обоснованных законов. Единственная возможность его уберечь сводится к сохранению и развитию его открытого смысла в новых интерпретациях. Идеал всегда должен оставлять возможность для творчества. В данном случае его толкования признаются и принимаются, а не навязываются. Для любой идеологии опасны завершенная институционализация и закрытые трактовки идеала.

Институционализация рождает иерархию и бюрократию, которая живет по своим, ею же определенным правилам, деятельность которой умерщвляет мистический смысл идеала. Творческих усилий уже не требуется, механизм отработан, и он не побуждает к действиям. Пророки, святые и герои уступают место чиновникам. «Закрытые» трактовки также блокируют любой творческий импульс, они превращают идеал в догму. Идеал предполагает создание критериев, которыми следует руководствоваться. Цель определяется для выработки четкого плана действий и сроков их реализации. Достижение идеала возможно, если будут соблюдены условия, исполнять которые полностью чрезвычайно трудно. К нему можно лишь приблизиться. Цель предполагает обязательное достижение.

Когда в начале 60-х гг. было объявлено, что поколение современников будет жить при коммунизме, а для этого необходимо претворить в жизнь положения новой Программы партии, то это стало началом конца великого эксперимента. Оказывается, надо стремиться не к чему-то высокому, а лишь произвести блага в нужном количестве. Даже формирование нового человека определялось как производственное задание. Утрата трансцендентального смысла коммунистического идеала в дополнение к бюрократизации идеологического аппарата, нейтрализующего всякую инициативу, привела к тому, что идеала не стало, а цель не была достигнута.

Сегодня подобная проблема встала и перед либерализмом. Его американизированный вариант становится идеологией господства со всеми вытекающими отсюда характеристиками: институционализацией, классом интерпретаторов, жесткой карательной машиной для инакомыслящих. Правда, следует отметить – здесь идеал превращается не в цель, а в стандарт. Современная либерализация будет восприниматься и уже воспринимается как американизация. Такое положение вещей входит в противоречие с главным лозунгом либерализма «свобода, равенство, братство». Монополия права на истину приводит к утрате способности сохранять идеал, к утрате интегрирующего начала, к утрате способности создавать целое.

Если интеграция предполагает добровольный отказ участников политического процесса от части собственных прав ради желанной целостности, то *коммуникация* осуществляется на основе объединения усилий индивидов или групп, воспринимающих сохранение собственной индивидуальности в качестве обязательного условия полноценного политического проектирования.

Для идеологического творчества ценны индивидуальная воля, индивидуальный порыв. Жизнеспособность идеологии определяется тем, насколько она оказывается в состоянии поддерживать коммуникационные ожидания. Идеология не может сохранять себя продолжительное время без коммуникации ее сторонников, поскольку невозможно обладание истиной, единой и вечной, и поскольку социальное бытие предполагает потенциальную возможность его обновления. Сущность человека раскрывается лишь в процессе общения с другим человеком.

Идеология нуждается не только в соединяющих истинах, сохраняющих интеграцию, но и в том, чтобы эти истины постоянно рождались в каждодневных интерпретациях и творческих усилиях адептов.

Одна из проблем идеологического творчества сводится к тому, чтобы разработанные

идеи хотели услышать. Нежелание слышать свидетельствует об исчезновении коммуникации. После этого, как бы аргументированно ни излагали свои мысли идеологи, они уже не достигнут необходимого эффекта. Чтобы этого избежать, им следует настроить своих сторонников на необходимый ход рассуждений. Воля идеолога, его вера в истинность пропагандируемых положений, с одной стороны, воля сторонника, жаждущего узнать о способе решения своих проблем от идеолога, – с другой, и создают полноценную доктрину. В данном случае возникает коммуникация между идеологом и последователями.

Любая политическая доктрина строится на стремлении разработать очередную трактовку социального воплощения родового начала, хотя идеологии активно используют и индивидуалистические установки, которые реализуются в родовых началах социума.

Иное значение имеет *унификация.* Любая идеология содержит в себе, если можно так выразиться, вирус унификации. Унификация вырастает из устремлений подчинить последователей единой воле, придать их деятельности единственно верное направление. Творцам или в данном случае жрецам от идеологии хочется всех «построить» для достижения главной цели. Единицы, по их мнению, более функциональны. Они не отвлекаются на частности в совместном движении. Они не просто отказываются от части своей индивидуальности ради общего дела, но стремятся раствориться в потоке политической жизни и стать частичками огромного целого. Унификация предполагает, что единица сама воспринимает себя как целое. Тем самым индивид желает преодолеть свои страхи, одиночество, поднять собственную значимость, восстановить утраченные связи, обрести хотя бы суррогат коллективности.

Творцы идеологии стремятся к эффективному управлению и успешной манипуляции. У них всегда есть соблазн сделать из своих последователей «одномерных людей» с планируемыми потребностями и просчитываемым поведением. Причем данное стремление характерно для всех без исключения идеологий.

Унификация означает стремление доминирующей группы к единому порядку, принятию единых стандартов организации поведения с целью более эффективного решения поставленных идеологией задач. Культивируется полный отказ от индивидуальности. Стремление к унификации может быть вполне закономерным. Если современные институты, нормы и установки утратили для человека ценность, так как не предоставляют ему возможности самореализации, то он ищет для себя новую идею, которая создаст у него хотя бы иллюзию востребованности.

Роль унификации возрастает, во-первых, когда ощущается недостаток мобилизационных ресурсов и возможности коммуникации ослабевают. Этот период можно назвать периодом кризиса идеологии, когда идеологи стремятся использовать методы унификации для сохранения контроля за своими сторонниками. Во-вторых, в период повышенной политической активности, вызванной масштабным социальным кризисом, когда процессы маргинализации рождают у людей стремление восстановить утраченные социальные контакты посредством идеологии. И в первом, и во втором случаях существует опасность нейтрализации процесса творчества, что приводит к потере идеологией способности к самообновлению, рождает стремление к замкнутости, переходу в глухую оборону.

Укрепление стремления к унификации чрезвычайно опасно, так как усиливает процессы массовизации. Для массы же главное значение имеет иллюзия равенства. Люди сравнивают себя с другими, корректируют свое поведение, забывая о том, что каждый должен быть самим собой. Унификация рождена желанием быть таким, как все: обладать теми же благами, стремиться к предложенному статусу и не выделяться из страха выглядеть индивидуально, стать человеком массы, которая «... хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует... Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она»[2].

Функция идентификации характеризует стремление индивидов посредством

идеологии сохранять единство с родовым принципом. Ее последователи достигают решения поставленных задач, воспринимая себя как часть органичного целого. Реализация данной функции возможна при готовности индивида участвовать в *осуществлении общественной миссии*. Утрата позитивного значения данной функции происходит тогда, когда осознание миссии сменяется согласием с *тиражируемыми идеологемами*. В этом случае вместо сознательного отношения к своей деятельности от индивида требуется лишь автоматическое выполнение уже расписанных действий. Любая инициатива неизбежно обретает формальный вид.

Идеология всегда представляет собой реализацию воли ее творца, того, кто знает, куда, зачем, как. Ее творят наиболее активные представители группы или общества.

Создание политической доктрины проходит в несколько этапов и предполагает достижение политической организации согласно выработанным принципам. Любая идеология придерживается нескольких базовых положений, которые одновременно интерпретируются в зависимости от политической ситуации и в то же время посредством которых интерпретируют саму эту ситуацию. Процесс упорядочения требует постоянных усилий, связанных и с интерпретацией существующих идеологем, и с разработкой новых. То, что политическое проектирование – не единовременный акт, а постоянный процесс, лучше всего иллюстрирует именно эта функция. Сложность заключается в создании самостоятельной, целостной и постоянно обновляющейся концепции.

Четкие идеологические формулировки определяются в ходе политических дискуссий. Их точность важна для всей идеологической работы. При закладке фундамента любого социального проекта необходимо определиться по важнейшим вопросам. При таких условиях «невинная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременным или излишним фрикционные споры и строгое отличие оттенков»[3].

Следует учитывать необходимость в идеологическом творчестве самостоятельных усилий, а не простых заимствований. Для всех авторитетных лидеров приоритетным всегда было освоение всего богатейшего наследия именно национальной политической мысли.

Опираясь на вышеизложенное, отметим, что функция идентификации обеспечивает сплоченность социума. Это достигается при опоре на национальное теоретическое наследие, на знание истории и последовательную ее интерпретацию. Кроме того, ощущение идентичности достигается, если идеология эффективна и если она направлена к сознанию наиболее активной в конкретный исторический период социальной группы, которая в состоянии решить задачу социальной реорганизации. Идентификация вполне достижима при опоре на любую значимую социальную общность: национальную, конфессиональную. профессиональную и т. д., в зависимости от того, какая задача стоит перед идеологией.

Политики всегда находили возможность, используя комплекс конфессиональных, патерналистских связей, для вовлечения в политическую жизнь самых разных социальных объединений. Группа-авангард наиболее мобильна, ее деятельность позволяет организовывать общество в целом. Основой политической борьбы всегда становится борьба групп, используемая политической элитой и контрэлитой для захвата или удержания власти. В связи с этим фундаментом идеологической деятельности может стать и противоречие между трудом и капиталом, и противоречие между ортодоксальным и еретическим религиозными течениями, и межнациональные конфликты, и борьба за равные права женщин и т. д. Подобное становится возможным в связи с тем, что идеология позволяет добиться мощной групповой идентификации, которая, в свою очередь, позволяет членам группы осознать свои интересы и воспринять других членов по принципу «мы с тобой одной крови».

В дальнейшем большая привлекательность лозунгов, лучшая организация, более успешная практика привлечения союзников делают групповую идеологию значимой для всего общества. Это происходит тогда, когда социальный кризис осознается обществом в том или ином групповом контексте.

Идеолог определяет характер стремлений группы: к гегемонии – согласно принципу «только мы знаем, как лучше», к доминированию – согласно принципу «кто, если не мы», к эмансипации – согласно принципу «мы не хуже других». Затем он выделяет главных субъектов предполагаемых преобразований или, напротив, сохранения порядка, вероятных союзников и возможных противников. На основе этого образуется полоса отчуждения или возникает взаимное притяжение. В ходе этого идеолог, решая конкретные задачи, учитывает национально-культурную специфику и отдельные групповые устремления.

Таким образом, идеологическое упорядочение начинается именно с выделения главной линии социального раскола. Затем следуют определение политического субъекта, разработка программы преодоления кризиса и, наконец, собственно действие. Следовательно, в процессе идеологического творчества позитивной считается групповая идентификация, способствующая сохранению естественной целостности.

Естественность не приемлет идеологических крайностей, сохраняющихся лишь при усилиях идеологов. Выход из полосы кризиса, решение обозначенных ключевых проблем неизбежно приводят к снижению восприимчивости идеологических крайностей.

Полноценная идентификация осуществляется посредством *реализации* группой или обществом *своей миссии.* Идеология определяет программу деятельности на далекую перспективу, создает способы влияния для руководства и ориентиры для ведомых, т. е. систему масштабных направлений деятельности, последовательная реализация которых предполагает достижение целей, определенных руководством партий, движений, государств. Стратегия обусловливается продуманной концепцией, определяющей соотношение в пространстве и времени основных ресурсов, которыми располагает субъект политической деятельности, а также выделяющей ключевые этапы в достижении основных целей. Определяемая идеологией стратегия должна быть свободной от внутренних противоречий, так как от этого зависят полнота осмысления происходящего и последовательность в достижении поставленных целей.

Идеологи стремятся к распространению положений собственной доктрины посредством их популяризации, к расширению сферы ее влияния. Экспансия является необходимым условием существования не только государственных, но и групповых идеологий, так как не бывает концепций, даже партикулярных по сути, которые бы охватывали всю группу в целом. Националистические взгляды никогда не разделяет вся нация, а расизм неприемлем для всей расы и т. п.

Выше уже отмечалось, что для идеологии свойственны периоды рождения, набирания силы (распространения), окостенения (догматизации) и умирания. Ее рождение и распространение происходят тогда, когда логически построенные аргументы, идеалы и нормы находят благодарную аудиторию, готовую не только внимать идеологам, но и действовать согласно предложенным правилам, когда идеологические положения отвечают интересам группы или у ее представителей есть такая иллюзия. По мере укрепления убеждений, разворачивания деятельности в зависимости от мобильности группа сторонников увеличивается. Если идеологи проявляют достаточную гибкость, то им удается привлечь большое число последователей.

Идеологическая экспансия тем более успешна, если она встраивается в доминирующую парадигму сознания, иными словами, идеология совпадает с общим строем интеллектуальной жизни общества, с его культурно-исторической доминантой. Такое совпадение означает соответствие главным интеллектуальным, социальным и политическим тенденциям.

Под *тиражированием идеологии* подразумевается сохранение упорядоченности политического пространства и времени, что вполне достижимо в процессе тиражирования идеологем. Без подобного действия трудно обойтись, поскольку упорядочение и мобилизация достигаются при самой широкой популяризации основных положений идеологии. Распространение в какой-то мере предполагает создание идеологических штампов. Именно идеологические штампы и клише позволяют обывателю ориентироваться в политическом пространстве. Более того, идеология и

воспринимается, если можно так выразиться, в «штампованном» виде.

В период достижения высокой степени мобилизации идеологический штамп наполняется эмоциональным содержанием и, оформляясь в качестве идеологемы, становится отправной точкой в осознании политических процессов, основой коммуникации, которую строит субъект идеологического творчества. Когда идеология утрачивает свои мобилизационные ресурсы и на первый план выдвигается манипуляция, когда живое учение преображается в сумму догматизированных положений и огромную роль начинает играть именно тиражирование идеологем, тогда стратегия больше не разрабатывается.

Необходимо помнить, что продолжительное тиражирование умерщвляет позитивный смысл идеологии, способствует ее вырождению в элементарную демагогию. Тиражируемые идеологемы утрачивают свой мобилизационный потенциал. Они не оживляются постоянными творческими усилиями идеологов. Устанавливается господство идеологической бюрократии, которая творцов начинает воспринимать не как коллег по работе, а как возмутителей спокойствия и даже как конкурентов. Идеологи перестают ожидать творческих усилий от рядовых сторонников. Идеологическая работа становится родом службы.

Подводя итог рассмотрению функций идеологии, можно отметить следующее.

Идеология в полном объеме выражает родовое начало социума, когда разработанные универсалии способствуют мобилизации, а не манипуляции; когда интеграция стимулирует деятельность по созданию коммуникации и нейтрализует стремление к унификации; когда потенциал идентификации укрепляется за счет осознания сторонниками идеологии своей миссии и снижения значения простого тиражирования идеологем.

Идеология сохраняет свое влияние, если ее основные положения вдохновляют на идеологическое творчество конкретного человека, стремящегося создать коммуникацию.

---

[1] Адорно Т. Проблемы морали. М., 2000.

[2] Ясперс К. Духовная ситуация времени// Смысл и назначение истории. М., 1991.

[3] Ленин В.И. Что делать?// Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1963.